

ИЗ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ XVIII—НАЧАЛА XIX в.

История Новгородского кремля XVIII—XIX вв. почти совсем не изучена, так как по вполне понятным причинам исследователи обращались и обращаются в основном к ее древнему периоду. И тем не менее для того, чтобы полнее выявить первооснову крепости, определить изменения при ее обновлениях, немаловажно знать, какие строительные процессы происходили с памятником в более поздние времена, т. е. когда уже было утрачено ее оборонительное значение. Кроме того, интересно и поучительно узнать об отношении официальных лиц и специалистов XVIII—XIX вв. к судьбе одной из древнейших русских крепостей.

В данной работе использованы архивные материалы, как опубликованные или давно известные исследователям, так и вновь открытые. Большой информативный материал по истории кремля в XVIII в. содержится в «Деле о ремонте Воеводского дома и башен» 1745—1748 гг. (РГАДА). В нем имеются ценные сведения о судьбе крепости не только середины XVIII в., но и начиная с 20-х годов этого столетия. Впервые источник был привлечен А. В. Воробьевым, который использовал его при реставрации стен и башен Новгородского кремля.¹ Этот материал известен и другим исследователям, но, на наш взгляд, до сих пор недостаточно изучен и потому не нашел должного отражения в литературе.

«Дело о ремонте Воеводского дома и башен» показывает, что в XVIII в. власти Новгорода не были безразличны к судьбе старой крепости. Об этом свидетельствуют указания в источнике на многочисленные донесения Новгородской губернской канцелярии в Правительствующий Сенат. Так, 6 января 1720 г., т. е. когда Новгород еще не был исключен из ряда крепостей,² в Сенат было направлено доношение о «ветхости всего Каменного города» (в котором «кровли и мосты в башнях все огнили и обвалились и своды обрушились, от дождя и от снега от городской стены и от башен кирпич сыплется») с просьбой указа о починке и о денежной сумме.³

Как видно из доношения, за прошедшие полвека после капитального ремонта кремля, который был выполнен в 60-е годы XVII в.,⁴ деревянные части крепости истлели и лишившиеся надежного покрытия городские стены и башни требовали безотлагательного ремонта. По-видимому, правительство Петра I никак не отреагирова-

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 3176. Дело о ремонте Воеводского дома и башен. Л. 4—280. Этот материал был любезно предоставлен нам А. В. Воробьевым в 1981 г.

² Указ о том, что «велено Новгородскую крепость оставить и гарнизону там не быть», датируется 11 мая 1720 г. (*Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. 2. С. 50).

³ РГАДА. Ф. 248. Д. 3176. Л. 56.

⁴ Не считая перестроек конца XVII в., которые не были связаны с оборонными целями (перестройки Пречистенской башни, раскат, превращенный в дозорную башню Каланчу (Кокуй), приспособление Княжьей башни под нужды Воеводского двора).

ло на это доношение. Еще не завершилась Северная война и было не до крепости, которая к тому времени утратила стратегическое значение.

Вновь новгородские власти забили тревогу, когда в 1729 г. Новгород был опять включен в ряд крепостей. 19 июня 1729 г. из Новгородской губернской канцелярии следует теперь уже в Канцелярию главной артиллерии и фортификаций доношение (со сметой) о необходимости починки Каменного города. Поскольку реакции на это доношение опять не последовало, то туда же направляются просьбы о починке «фортеций» в 1733, 1735, 1738 и 1739 гг.,⁵ но, по видимому, безрезультатно.

Мы не знаем, когда Новгород вторично был исключен из штата крепостей. Возможно, это произошло в 40-е годы XVIII в., так как с этого времени новгородские власти обращаются по поводу починки укреплений не в Канцелярию главной артиллерии и фортификаций, а снова в Сенат.

2 мая 1745 г. из Новгорода в Сенат было отправлено донесение о необходимости «определятельного указа» по поводу «уже совсем к падению готовой» Воскресенской башни, у которой деревянная кровля «весьма згнила», и башня «во многих местах развалилась и от времени до времени весьма осыпается». А поскольку через ворота башни идут «непрестанные проезды» и «Ея Императорского величества бывают шествия», то в этом «наиважнейшая находится опасность».

Только после падения Пречистенской башни, что случилось в ночь на 7 мая 1745 г., в Новгороде 27 мая был получен указ правительства Елизаветы Петровны о разборке «упадшей» Пречистенской и угрожающей падением Воскресенской башен силами колодников, а также солдат и драгунов полевых полков.⁶

Интересно отметить, что следствием настойчивых донесений новгородских властей о необходимости починки «городовой ветхости», здания канцелярии, Воеводского двора и прочих казенных строений, а также ситуации с падением Пречистенской башни явился Правительственный указ от 20 мая 1745 г., который был направлен во все губернии России. Этот указ гласил, что «ежели где городовое и прочее казенное каменное и деревянное строение» весьма ветхое и опасное, то, чтобы не повалилось и людей не подавило, на усмотрение губернаторов и воевод «с товарищи» починить (если «по исчислению денежной казны невеликая сумма потребна»), а если починить невозможно, то «онные опасные места разбирать».⁷

В Новгород для выполнения этого указа был направлен от Комитета строений 26-летний гезель архитектуры Алексей Петрович Рославлев. Он был учеником московского архитектора И. Ф. Мичурин, а с 1742 по 1744 г. — учеником переехавшего из Петербурга в Москву архитектора И. К. Коробова, основная работа которого в

⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 3176. Л. 55.

⁶ В Новгороде тогда стояли Киевский и Троицкий полки (РГАДА. Ф. 248. Д. 3176. Л. 64).

⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 3176. Л. 4.

Москве были осмотр и починка «городовых ветхостей», т. е. стен и башен Кремля, Китай-города и Белого города.⁸

Будучи в Новгороде с июня 1745 по 1749 г., А. П. Рославлев проделал большую работу. Летом 1745 г. он составил Опись и смету городским стенам и башням, «где какая имеется ветхость и что надлежит починить или вновь построить» по всем трем крепостным системам — Кремлю, Окольному городу и Земляному городу. Кроме того, он выполнил подобное задание по Воеводскому и Артиллерийскому дворам, зданию Губернской канцелярии и еще по многим другим казенным строениям.

Скорее всего, А. П. Рославлеву принадлежит и чертеж планов, фасадов и профилей десяти оставшихся к этому времени кремлевских башен.⁹

По его смете на починку стен и башен Каменного города требовалось 17 тыс. руб., да еще 2 тыс. руб. на ремонт церквей при них.

Предлагаемый А. П. Рославлевым ремонт был тогда осуществлен лишь частично. В доношении новгородской канцелярии Правительствующему Сенату от 29 сентября 1748 г. сообщалось, что сделано покрытие восьми башен.¹⁰ Видимо, в это число не вошли очень ветхие Спасская и Владимирская башни с надвратными церквями, которые А. П. Рославлев предлагал разобрать и «вновь сделать по-прежнему».

Владимирская башня названа А. П. Рославлевым Никольской, поскольку на ее внешней стене «написан образ Николая Чудотворца явление з богатым украшением». По этой причине губернское начальство в 1747 г. настаивало не на разборке башни, а на первоочередных работах на ней, чтобы «не повреждая того написанного на стене образа... в такую твердость привести», какой она прежде была.¹¹ По всей вероятности, в конце 40-х годов XVIII в. или несколько позже Никольскую башню починили, а обветшавшую надвратную церковь разобрали, в результате чего на месте ее примыкания к башне образовалась огромная арка. Возможно, тогда при починке башня утратила верхние этажи. Позднее, в конце XVIII в., с внешней стороны крепости к башне пристроили Никольскую часовню.

О судьбе Спасской башни из упомянутого архивного дела ничего неизвестно. Вполне возможно, что ее отремонтировали и укрепили в середине XVIII в. В РГИА сохранились чертежи начала XIX в. Спасской башни с деревянной часовней, построенной в конце XVIII в. На чертежах показаны железные связи, а внутри Кремля перед башней — большой холм из строительного мусора от разва-

⁸ Дьяконов М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов) // Русский город. М., 1982. Вып. 5. С. 158; Михайлов А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 34, 35; Секретарь Л. А. К истории строительства и архитектуры Новгорода XVIII в. (1700—1750 гг.) // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 230—234.

⁹ Чертеж опубликован А. Л. Монгайтом. См.: Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Крепостные сооружения Древней Руси (МИА. М., 1952. № 31). Рис. 30.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 3176. Л. 279.

¹¹ Там же. Л. 248.

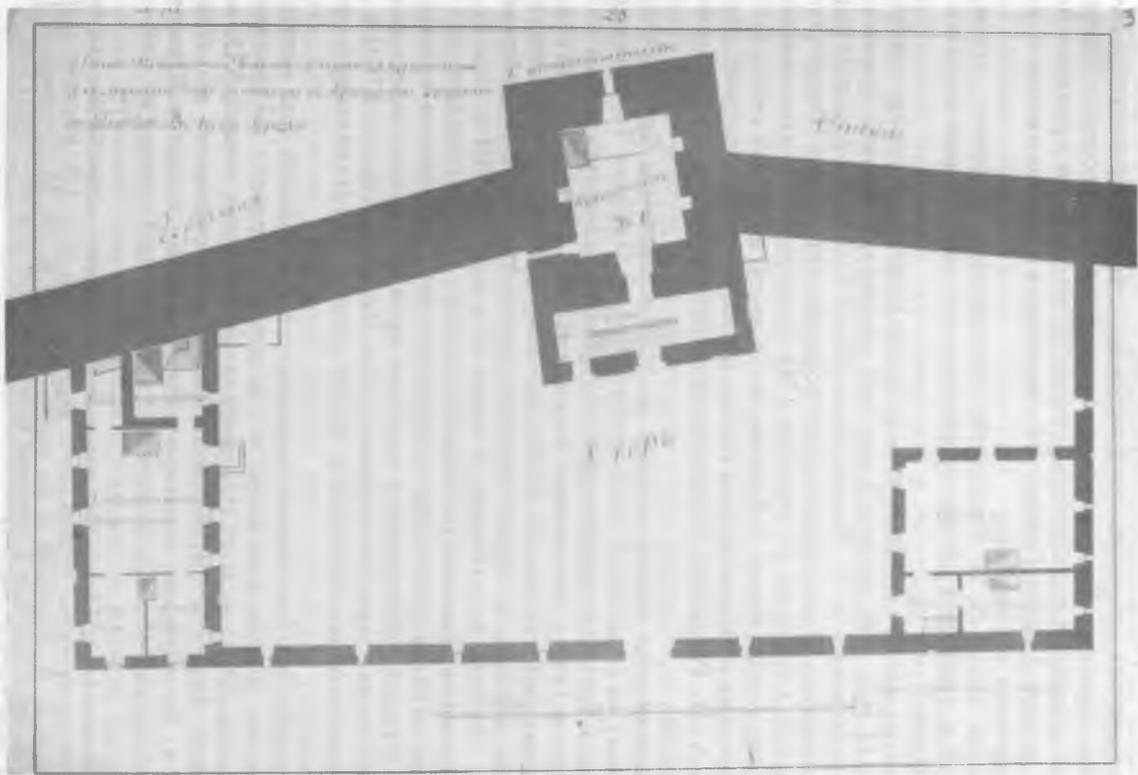

Рис. 1. Чертеж тюремного комплекса при Златоустовской башне
И. Дмитрова. 1816 г.

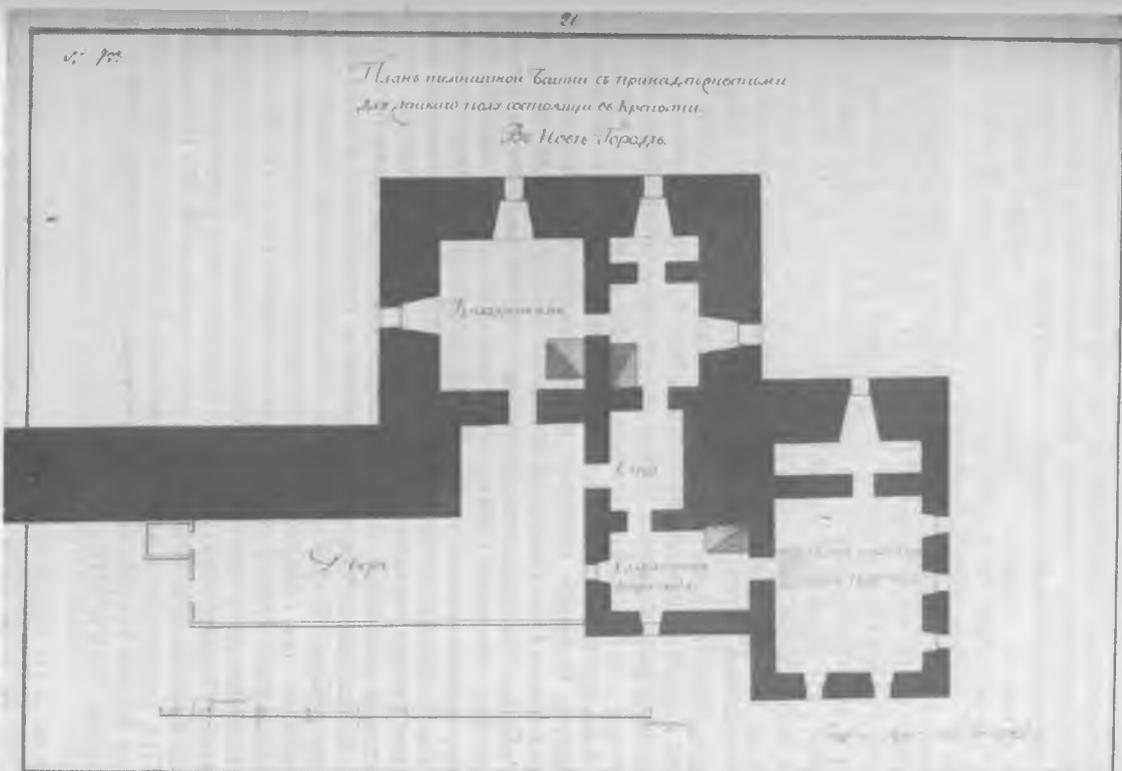

Рис. 2. Чертеж приспособленной под женскую тюрьму Покровской башни
И. Дмитрова. 1816 г.

лившейся надвратной церкви с трапезной. На месте примыкания церкви к башне — большой арочный проем.

В смете А. П. Рославлева было заложено и восстановление тесовой кровли над крепостными стенами, как «прежде сего были покрыты». Следы бывшей кровли (бревна—стропила) еще сохранялись в то время «по зубцам и площадкам». Кроме того, кровля конца XVII в. сохранялась полностью на участке против Воеводского двора, т. е. в прясле между башнями, именуемыми теперь Княжая и Кокуй, но она имела несколько другую конструкцию, менее предохраняющую стены от осадков.¹² Покрытие над стенами в 40-е годы XVIII в., скорее всего, не было сделано: при описании Кремля в начале XIX в. никаких следов кровли не отмечено.

Что же касается рухнувшей Пречистенской и разобранной Воскресенской башен, то в июне 1747 г. А. П. Рославлеву было предписано сделать чертежи и сметы, по которым в Сенате должны были определить целесообразность их восстановления. Ознакомившись с имевшимися в Губернской канцелярии чертежами, А. П. Рославлев сделал новый проектный чертеж плана и фасада Пречистенской башни, а по Воскресенской — чертеж фасада «против старого манером». Уточненная смета по восстановлению обеих башен составила 16 975 руб. 50 коп.,¹³ т. е. почти такая же сумма, как и в смете 1745 г. на ремонт и восстановление всех кремлевских башен. Видимо, это и решило судьбу разрушенных башен, восстановление которых не последовало.

В РГАДА имеется материал о направлении в 1745 г. из Инженерного корпуса Военной коллегии инженера-поручика Козлянинова для снятия плана Новгородской крепости.¹⁴ По всей видимости, известный «План Новгородской крепости с хоронным строением», датируемый В. Л. Яниным 1746 г.,¹⁵ был исполнен этим специалистом. Поскольку снятие плана с тремя оборонительными системами и показом улиц и кварталов города — дело длительное, то вполне возможно, что работа, начатая в 1745 г., завершилась в 1746 г.

Во второй половине XVIII в. перестройки по Кремлю были связаны в основном с приспособлением пустующих башен под городские нужды. В 1783—1786 гг. Златоустовская башня была приспособлена для содержания колодников.¹⁶ Став тюрьмой, она стала называться «темнишной», «застеночной» (рис. 1). По плану В. И. Поливанова у восточного фасада башни была сооружена полукаменная пристройка, а рядом с башней — два флигеля, где размещались караульня и больница. Кроме чертежей В. И. Поливанова, в РГИА сохранились чертежи тюремного комплекса при Златоустовской башне губернских архитекторов И. Жегалова 1800 г. и И. Дмитрова 1804 и 1816 гг.¹⁷ (рис. 2).

¹² Там же. Л. 119 об., 120 об.

¹³ Там же. Л. 255 об.—260.

¹⁴ Там же. Оп. 8. Кн. 463. Л. 376—376 об. Дело о выделении солдат и плотников в помощь инженеру-поручику Козлянинову, назначенному для снятия плана Новгородской крепости.

¹⁵ Опись Новгорода 1617 г. / Под общей ред. В. Л. Янина. М., 1984. С. 24.

¹⁶ ОПИ НГМ. № 29736. Л. 18 об.; ГАНУ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.

¹⁷ РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 1115. Л. 1—5; Ф. 1399. Оп. 1. Д. 541. Л. 23.

В 1784 г. башня, называемая ныне Княжой (а в документах XVIII в. «подле Воеводского двора»), значительно перестроенная в конце XVII в. под нужды Воеводского двора, была приспособлена под архив.¹⁸

Приспособление башен продолжалось и в первые годы XIX в. Под женскую тюрьму была перестроена Покровская башня. Она стала называться «темнишной». Примыкавшая к ней Покровская церковь стала тюремной. В РГИА сохранился чертеж И. Дмитрова Покровской башни начала XIX в., приспособленной под тюрьму «для женского полу».¹⁹

Ремонтные и перестроечные работы, проводимые в Кремле в XVIII в., относились в основном к башням. Крепостные стены, оставшиеся, видимо, тогда непокрытыми, уже в начале XIX в. выглядели обветшавшими. Срочных мер требовали три развала: два из них на местах разобранных Пречистенской и Воскресенской башен, третий — на месте развалившейся в конце XVIII в. Борисоглебской башни. Не случайно Е. Болховитинов, видя все это, писал в 1808 г.: «...стена сия нынче разваливается».²⁰ Поэтому в начале XIX в. вновь остро стал вопрос о необходимости ремонта старой крепости. Материал об этом содержится в «Деле о поддержании починкой Новгородской древней крепости», хранящемся в РГИА.²¹

Новгородский губернатор П. И. Сумароков, возглавлявший губернию в 1812—1815 гг., посылает управляющему Военного министерства генералу от инфантерии князю Горчакову отношение о необходимости ремонта Новгородского кремля. Убеждая в этом, губернатор писал: «Древняя крепость в Новгороде пришла в такое состояние, что в некоторых местах делаются обвалы и от одной порчи открывается вдруг несколько разрушений, не говоря уже о безобразии, проезжающим и мимо ходящим угрожает падение на них стен. Таковое положение крепости требует одного из двух: или разобранья оной или починки. Разобрать и уничтожить сию древность было бы весьма сожалительно; разбирание оной более будет стоить, нежели ея починка, а притом и сооруженные внутри ея здания вышли бы совсем из обыкновенного порядка. Лучше всего ежегодно малыми суммами, тысяч из четырех в год, делать сим стенам починки, и таким образом лет в пять или шесть можно бы было привести опять стены крепости в хорошее состояние».²²

Донесение новгородского губернатора было передано Горчаковым в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий, поскольку «оная крепость по состоянию ея внутри границ империи уже с давних пор из Ведомства Военного Департамента по Высочайшему повелению исключена».²³

Для решения вопроса о починке крепости указанный Департамент затребовал от губернатора план ее, описание состояния и смету. После неоднократных запросов из Департамента губернатор в

¹⁸ ОПИ НГМ. № 29736. Л. 18 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 1115. Л. 6.

²⁰ [Болховитинов Е.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 18.

²¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 18. Л. 565—570 об.

²² Там же. Л. 565.

²³ Там же.

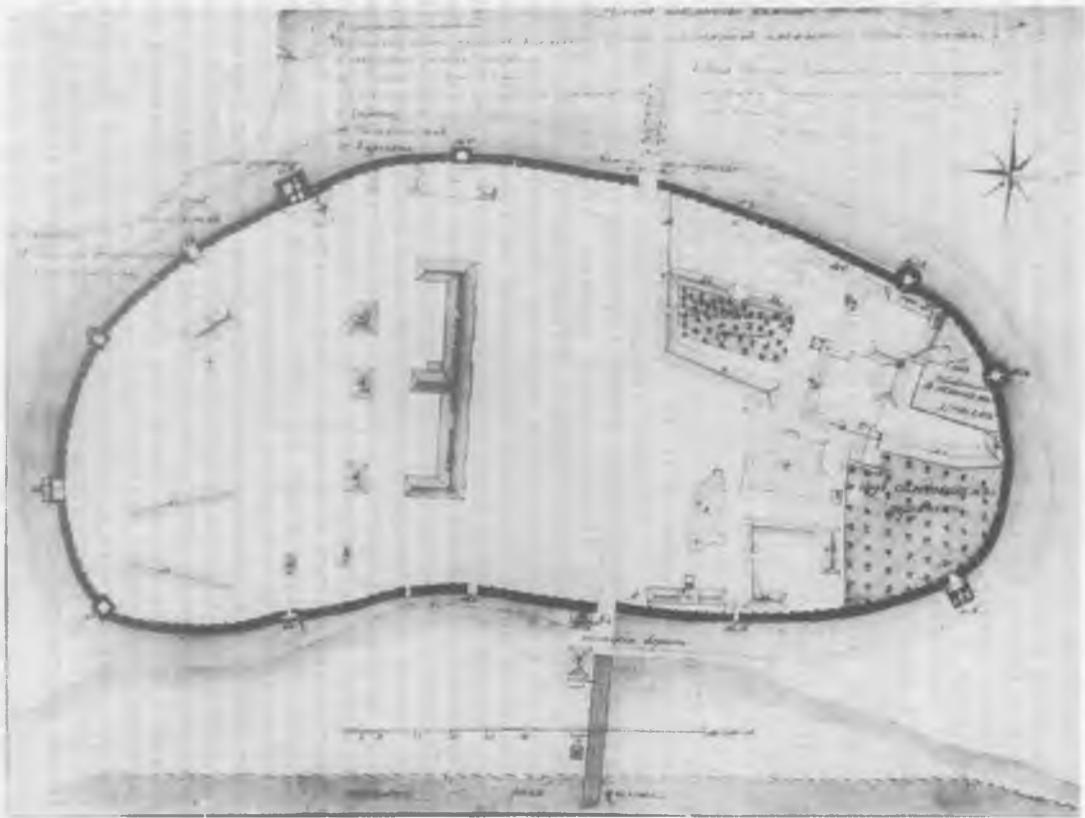

Рис. 3. План Новгородского кремля И. Лукини. 1817 г.

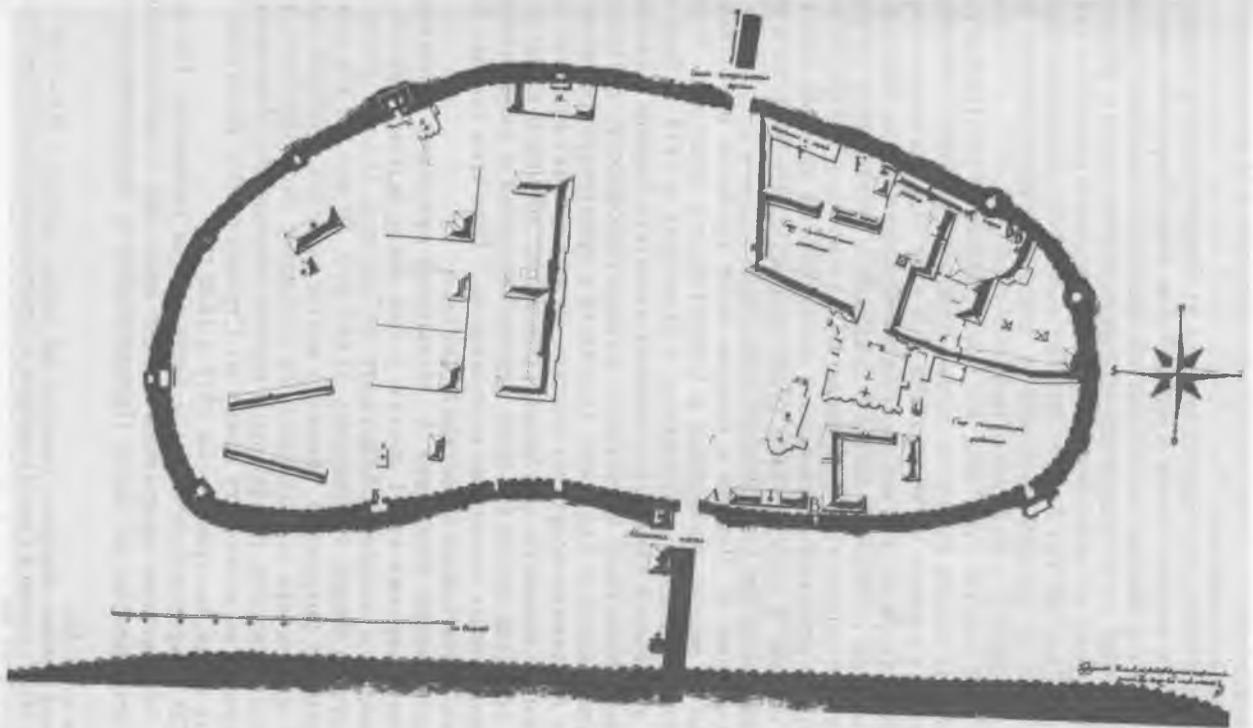

Рис. 4. План Новгородского кремля В. Поливанова. 1803 г. (?)

1817 г. ответил, что у архитектора много обязанностей по всей губернии, и если «употребить его к сему», то последует остановка в прочих предметах, а потому он просил прислать в Новгород «особо для сего дела художника».²⁴

И тогда в Новгород был направлен из Строительного комитета каменных дел мастер Иосиф Лукини.²⁵ Ему было поручено снять в натуре планы и фасады ветхих частей крепости и выйти с предложением о мерах по исправлению угрожающего состояния. Представив Строительному комитету план Новгородского кремля, а также планы и фасады ветхих башен, Лукини вышел со следующим предложением: «Сие древнее сооружение, близкое к разрушению, сломать до основания и построить новое»²⁶ (рис. 3).

При этом следует отметить, что представленные И. Лукини планы и фасады башен являются почти полными копиями чертежей, выполненных в конце XVIII—начале XIX в. В. Поливановым и другими архитекторами. В известном плане Кремля («План Новгородской каменной городской стены с показанием имеющихся во оной строения»), подписанном И. Лукини, был, очевидно, также использован чертеж кремля В. Поливанова конца XVIII в. (рис. 4). Так как Лукини не внес в план никаких существенных изменений, то в нем отразилась ситуация многолетней давности.

Предложение И. Лукини о полном сносе крепости и постройке ее заново не нашло поддержки в Строительном комитете. Чтобы окончательно выяснить положение, в Новгород в 1818 г. был направлен временный член Строительного комитета Авраам Иванович Мельников, известный архитектор, адъюнкт-профессор, совмещавший преподавание в Академии художеств с архитектурной практикой. Ему надлежало подробно описать, «в чем состоят ветхости или повреждения» крепости, «от каких происходят причин и какие ближайшие средства могли бы быть действительными и надежными к исправлению оных меньшими издержками».²⁷ При этом он был также обязан снять планы и составить смету.

По выполнении поручения А. Мельников приложил к письменному отчету чертежи на 11 листах, в том числе и план Кремля. К сожалению, эти чертежи обнаружить не удалось. По его смете на ремонт стен и башен требовалось 53 665 руб. 50 коп., и эта сумма была признана умеренной. Министр внутренних дел, одобрив предложение профессора «о поддержании починкою оной крепости, как памятника древности, придающего величественный вид Новгороду», рекомендовал выделить эту сумму из Строительного комитета, но разделить ее на два срока — на 1819 и 1820 гг.²⁸

В 1820 г. крепостные стены и башни были починены. По проекту А. Мельникова оформлены в виде арок два существовавших уже 75 лет пролома на месте Пречистенской и Воскресенской ба-

²⁴ Там же. Л. 566.

²⁵ Иосиф Лукини, итальянец, каменных дел мастер, работал в 1778—1789 гг. в Москве, в 1817 г. служил в Санкт-Петербурге, в Строительном комитете при Министерстве внутренних дел.

²⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 18. Л. 566 об.

²⁷ Там же. Л. 567 об.

²⁸ Там же. Л. 569 об.

шен.²⁹ Видимо, тогда же, в 1819—1820 гг., был заделан пролом на месте Борисоглебской башни.

Крепостные стены после починки покрыли тесом.³⁰ Однако покрытие сделали не над всей стеной (как это было в древности), а только над боевым ходом, и потому очень скоро, уже к 40-м годам, «зубцы стены, не будучи защищены с верхней поверхности», пришли «в полуразрушенное состояние».³¹ На башнях взамен истлевших кровель 1748 г. были выполнены невысокие покрытия. Таким образом, в 1819—1820 гг. опять на какое-то время крепость была приведена в относительный порядок. Это отметил современник: «Вид Кремля Новгородского величествен, и в зрителе порождает он великия воспоминания. Рука времени силится истлить сию священную твердыню, но бдительное Правительство употребляет все меры сохранить оную для потомства».³²

---

²⁹ Проект оформления проломов был разработан еще В. Поливановым, с небольшими изменениями этот проект повторен И. Лукини, но оба остались неосуществленными.

³⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3891. Л. 84 об.

³¹ Там же. Ф. 218. Оп. 4. Д. 1189. Л. 3. Эта форма покрытия боевого хода хорошо видна на гравюрах 30-х годов XIX в., где изображены стены и башни Новгородского кремля. См.: Атлас к материалам для статистики Русской империи. СПб., 1839.

³² Леопольдов А. Кремль Новгорода // Вестник Европы. 1830. № 3. С. 228.